

А.М. Анисов

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт философии Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: a.m.anisov@yandex.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3492-2006>

Ст. Лем о невозможности жизни и прогнозирования¹

Аннотация: В статье анализируются философские идеи Ст. Лема, высказанные им в новелле с двойным названием «О невозможности жизни» и «О невозможности прогнозирования». Показано, что в основе новеллы лежит онтологическая проблематика, связанная со статусом существования уникальных событий будущего. Особенности этого статуса демонстрируются Лемом на примере выдуманной истории появления на свет будущего профессора Коуски, от имени которого делаются индетерминистские выводы о природе уникальных событий. Одним из ключевых выводов является лемовский тезис о том, что информации о будущих уникальных событиях объективно не существует. Поэтому прогнозирование событий такого рода невозможно в принципе. Отсутствие информации связано с тем, что будущего онтологически нет, оно ещё не случилось. Этот лемовский тезис дополняется рассуждением автора о том, что и прошлого онтологически уже нет, что проявляется в индетерминированном бесследном исчезновении из прошлого части уникальных событий по мере течения времени. Доводы в защиту индетерминизма включают критику догматического детерминизма парменидовской науки и философии, выбрасывающих время и изменения из бытия. В результате догматический детерминизм игнорирует историю как упорядоченную совокупность уникальных событий. Обосновывается новое понимание возможного, не связанное с идеей элементарных событий теории вероятности и множеством возможных миров модальной логики.

Ключевые слова: онтология, существование, уникальное событие, индетерминизм, случай, возможное, время, модусы времени, прогнозирование.

Речь пойдёт об одной из новелл, входящих в сборник «Абсолютная пустота» – собрание сочинённых Ст. Лемом *псевдорецензий* (по терминологии самого Лема) на несуществующие научные публикации (Лем 1995). Новелла носит двойное название «О невозможности жизни» и «О невозможности прогнозирования» (Лем 1995, с. 252–271). Можно было бы подумать, что имеется в виду крайне малая вероятность появления жизни и трудности с прогнозированием её эволюции. Если бы это было так, то ничего нового не было бы сказано. Ведь известно, что вероятность появления жизни оценивается на уровне вероятности таких событий, как появление новенького самолёта из торнадо, пронёсшегося над кладбищем самолётов, или как перепечатывание Библии сотни раз без единой ошибки стадом обезьян. И т. п. Однако, намеренно или нет, Лем использует не понятие *вероятности*, а понятие *невозможности*, что лишний раз подчёркивает латинская терминология: рецензируемые несуществующие книги озаглавлены их мнимым автором Коуской (имя которого то ли Цезарь, то ли Бенедикт²) «DE IMPOSSIBILITATE VITAE» и

¹ Статья впервые опубликована в журнале «Семиотические исследования»: Анисов А.М. Ст. Лем о невозможности жизни и прогнозирования // Семиотические исследования. 2022. Т.2. №3. С. 8-17.

² Предположительно (ведь Лем здесь ответа не даёт), это иллюстрация *случая*: имя человека может выбираться случайно.

«DE IMPOSSIBILITATE PROGNOSENDI» соответственно. А это существенно меняет дело. Из статистической физики известно, что существует очень маленькая, но отличная от нуля вероятность того, что вода в чайнике, поставленном на горячую плиту, на мгновение превратится в лёд. Так что такое событие нельзя, строго говоря, назвать невозможным. Оно крайне маловероятно, но не невозможно. Это с одной стороны.

С другой стороны, если нечто реально существует, то, вроде бы, оно никак не может быть невозможным. Более того, в алетической модальной логике (Анисов 2022, кн. 1, с. 204–205) принимается принцип $p \rightarrow \diamond p$, означающий, что всё действительное возможно (буквально, если p , то возможно p). Если теперь принять p , то из этой посылки и принципа $p \rightarrow \diamond p$ по правилу *modus ponens* непосредственно получаем утверждение о том, что p возможно: $\diamond p$. А раз жизнь на планете Земля, несомненно, существует, она, согласно этой логике, возможна! Получившееся несоответствие образует исходный пункт последующего анализа указанной работы Лема и приведёт к весьма неожиданным и нетривиальным следствиям.

Исходную постановку проблемы Лем формулирует следующим образом: «Профессор Коуска написал книгу, в которой доказывает неизбежность такой постановки вопроса: либо теория вероятностей, на которой покоится естествознание, в корне неверна, либо никакого животного мира во главе с человеком не существует» (Лем 1995, с. 252). Обозначим высказывание «Теория вероятностей в корне верна» через p , а высказывание «Животный мир во главе с человеком существует» через q . Тогда исходная дилемма запишется как высказывание $\neg p \vee \neg q$ (где $\neg$ читается как отрицание «не», а $\vee$ читается как дизъюнкция «или»). Известно, что в реальности имеет место q , так что из посылок $\neg p \vee \neg q$ и q логически следует $\neg p$, т. е. высказывание «Теория вероятностей в корне неверна».

Но на этой теории действительно покоится точное естествознание! Где же «проваливается» теория вероятности? Как выясняется из дальнейшего изложения, она оказывается непригодной в отношении такого рода событий, которые можно назвать *уникальными*, хотя сам этот ключевой (на наш взгляд) термин Лем использует в рассматриваемом тексте всего три раза. А схожий по смыслу термин *индивидуальность* – всего лишь единственный раз. В качестве примера уникального события берётся личная история Коуски, но не как профессора и заведующего кафедрой, а как младенца, т.е. история его появления на свет. С присущим Лему неподражаемым юмором описываются перипетии этого события, сами по себе тоже неповторимо уникальные и индивидуализированные.

«Профессиональные статистики, сознающие, насколько сложно положение дел в мироздании, обычно увливают от рассмотрения вероятности таких событий, как чье-то появление на свет», – отмечает Лем (разумеется, от имени Коуски), – «Чтобы отвязаться, они говорят, что дело здесь в скрещении необозримого числа причинно-следственные связей» и что «это, дескать, невозможность всего лишь *техническая*, а не принципиальная; связанная с трудностью собирания информации, а не с тем, что **такой информации вообще нет на свете**³» (Лем 1995, с. 255–256). Заявление о том, что «**такой информации вообще нет на свете**» имеет важное значение в проблеме онтологического статуса уникальных событий. Информации о будущих появлениях на свет нет потому, что нет самих этих каждый раз уникальных появлений. Они *онтологически ещё не существуют*.

Между тем, исходный пункт теории вероятности заключается в постулировании существования множества так называемых *элементарных событий*. Эти события в теории могут иметь даже нулевую вероятность. Но некоторые множества таких событий имеют вероятность, отличную от нуля. А всё множество элементарных событий имеет вероятность, равную единице. Однако никакого реально существующего множества всех будущих рождений онтологически не существует. Теорию вероятности в данной ситуации просто не к чему применить, нет объекта применения. Может быть, положение дел можно

---

³ Выделено мною – А.А.

исправить, введя в рассмотрение множество уже состоявшихся появлений на свет? Увы, это гипотетическое множество также онтологически уже не существует. Вряд ли, например, онтологически существует информация о рождении изобретателя (или изобретателей?) колеса. Вся подобного рода информация могла быть безвозвратно стёрта из универсума в ходе течения времени.

Но если существуют события, которые не только не наступают с неизбежностью, но даже не имеют вероятностного обоснования, то мы получаем *индетерминированный универсум*, в котором есть два не пересекающихся класса событий. Один класс состоит из повторяющихся событий, которые описываются либо однозначными, либо вероятностными законами, а другой класс содержит события неповторимые, лишь однажды случившиеся и потому не предсказуемые даже вероятностно. Но они всё же, хотя и индетерминированным образом, произошли в реальности: «То, что случается, если на самом деле случается, – то и случается; таков главный тезис профессора Коуски» (Лем 1995, с. 253).

Здесь нужно предостеречь от возможной ошибки. После того, как уникальное событие случилось, к нему становятся применимы разного рода оценки, в том числе вероятностные. Например то, что у родителей Коуски появится мальчик, – это событие с вероятностью 0,51. Но то, что этот ещё не родившийся мальчик будет именно Коуской, конкретным уникальным и неповторимым индивидом, реально предсказать невозможно. *После* его появления на свет, задним числом, этому событию можно приписать указанную вероятность, мысленно стерев его индивидуальность. Однако *до* свершения уникального события предсказать его *невозможно*. Так Лем и пишет о невозможности прогнозирования.

Из сказанного видно, что автор неразрывно связывает наличие уникальных событий с индетерминизмом. Не берусь судить, как к индетерминизму относился Лем. В обсуждаемой работе он осуществляет мысленный эксперимент, рассуждая от имени выдуманного персонажа – индетерминиста профессора Коуски. Могло стать, что у Лема не было определённого взгляда на проблему индетерминизма, хотя та роль, которую в разных произведениях Лем отводил случаю, говорит скорее в пользу позиции индетерминизма⁴. Как бы там ни было, в истории философской и научной мысли проблема *детерминизм – индетерминизм* непримиримым образом разделяла исследователей на протяжении веков.

В наше время детерминисты превзошли даже такого противника идеи случая, как П.С. Лаплас. Пытаясь избежать индетерминистских выводов из феномена редукции волновой функции в квантовой физике, они объявили, что каждый возможный результат такой редукции реализуется в каком-либо другом мире, якобы существующем наряду с нашей Вселенной (так называемая «многомировая» интерпретация квантовой физики Х. Эверетта). Эти альтернативные «Вселенные» образуют некий «Мультиверс», число «миров» в котором превосходит число элементарных частиц в нашей Метагалактике. И это делается от имени передовой науки, без каких бы то ни было ссылок на экспериментальное подтверждение реального существования хотя бы одной альтернативной Вселенной! Как справедливо отметил А.Ю. Севальников, «Интерпретация Эверетта среди всех известных трактовок занимает особое место. Она является совершенно не «фальсифицируемой» как с физической, так и с «метафизической» точек зрения» (Севальников 2003, с. 89). Но кого в наше время волнуют такие «мелочи»? В итоге некоторые адепты догматического детерминизма пришли к выводу о том, что всё, что возможно, где-нибудь да реализуется, как бы ни была маловероятной такая реализация.

Автор как-то имел неосторожность вступить в письменную полемику, – см. статью (Анисов 2012), – с ярким сторонником догматического детерминизма А.Н. Павленко, критически рассмотрев некоторые его работы в защиту тезиса о том, что все (буквально

---

⁴ Подробнее о философских взглядах Лема см. (Язневич 2014).

все!) события уже от века «прописаны» в универсуме, так что изменить ничего нельзя и свободы выбора нет. Андрей Николаевич попросту не обратил внимания на контр доводы, и в своей новой книге (Павленко 2020) (в которой моя статья даже не упомянута) превзошёл самого Парменида в отстаивании полностью завершённого в своей событийной целостности «прописанного» бытия⁵. Со ссылкой на современную физику А.Н. Павленко приходит к выводу: «... Вселенная в целом *внутри самой себя никаких изменений не претерпевает*» (Павленко 2020, с. 89). Действительно, современное точное естествознание имеет отрицающие время и изменения парменидовские черты (подробнее о парменидовской науке см. (Анисов 2000)). Однако вместо того, чтобы признать исключение темпоральных феноменов за существенный недостаток в описании реальности, философствующие учёные нередко сознательно видят в таком подходе истину в последней инстанции. Дескать, раз физика не замечает изменений в ходе течения времени, то никакого течения времени в действительности и нет. По-видимому, в основе приверженности догматическому детерминизму лежит некое иррациональное мироощущение, сродни религиозному. Оно прекрасно вписывается в догмат о божественном всеведении, согласно которому Богу известны все события: и прошедшие, и настоящие, и будущие. Какая уж тут свобода выбора...

Может быть, противоположная позиция приверженности к индетерминизму столь же иррациональна? К сожалению, отчасти «да». Среди сторонников индетерминизма можно найти настоящих мистиков. Однако в предлагаемой Лемом интерпретации индетерминизма ничего мистического нет, как нет мистики и в позиции автора. Более того, это *фальсифицируемая* позиция. Например, если станут возможными путешествия во времени, то можно будет выигрывать в рулетку, «подсмотреть» заранее будущий исход броски шарика. Или сегодня прочитать завтрашние газеты. Или, отправившись в прошлое, узнать имя изобретателя колеса. И т. п. Если скажут, что это невозможно, то и мы утверждаем, что невозможно. Другой вопрос, почему? С нашей позиции потому, что прошлого онтологически уже нет, а будущего, даже ближайшего, онтологически ещё нет. В пространстве нельзя отправиться в место, которого нет, которое не существует. Аналогичным образом, во времени мы всегда пребываем в настоящем⁶, и никогда не сможем оказаться в исчезнувшем прошлом или в не наступившем будущем.

Позиция индетерминизма не только фальсифицируема, но и *верифицируема*, в отличие от догматически утверждаемого тотального детерминизма. Эмпирически достоверным свидетельством в пользу индетерминизма является сам факт существования индивидуализированных неповторимых событий, составляющих основу их исторического описания. То, что будущего онтологически ещё нет, подтверждается невозможностью написания истории будущего. История не потому наука о прошлом, что её так определили, а потому, что истории будущего не существует. Поскольку онтологически не существует множества уникальных событий, относящихся к будущему. Историка просто нечего описывать.

Сказанное относится не только к гражданской истории, но ко всем историческим наукам, будь это история Солнечной системы, история планет, история Земли, история жизни на ней и т. п. В наибольшей мере изучена история Земли и жизни на ней. Эта история обобщена в *геохронологической шкале*. В варианте этой шкалы, приведённой в книге (Марков 2010, с. 93–94), история жизни начинается с эоархейской эры, начало которой не определено! Но ведь точно так же не определено время появления первого человека, первого города, первого государства, первой доказанной теоремы и т. п. Истоки любого важного древнего исторического феномена скрыты от нас в глубине веков. Далее

---

⁵ А.Н. Павленко признаётся: «... Ближе к пониманию существа Прописи был даже не Платон – с его «идейным» атомизмом, а Парменид – с его *единым и неизменным бытием*». (Павленко 2020, с. 57).

⁶ Точнее, в *метанастоящем*, включающем в себя сохранившиеся следы прошлых событий и предопределённые события будущего (например, следующее солнечное затмение). Подробнее см. книгу (Анисов 1991). Краткое изложение – в книге (Анисов 2022, кн. 2).

эры, периоды и эпохи продолжают – до какого времени? Естественно, вплоть до настоящего времени! Мы с вами живём в кайнозойскую эру неогенового периода эпохи голоцен. Это и есть длящееся *настоящее* шкалы. А дальше? А дальше ничего нет! Ведь будущее онтологически не существует. Можно, конечно, догматически утверждать, что будущие геологические эры, периоды и эпохи уже существуют, поскольку, дескать, «прописаны». Но где доказательства их «прописанности»? Вопрос риторический. Впечатляющие результаты, полученные историческим естествознанием, попросту игнорируются догматическими детерминистами.

Наивно полагать, что, ознакомившись с высказанными доводами, догматические детерминисты будут озадачены. Доводы их не интересуют, поскольку им мистическим образом известно, что все события уже «прописаны». Здесь нужны иные приёмы. Лем устами профессора Коуски рекомендует придерживаться «какого-нибудь ученого-физика или иного вероятностника за локоть, чтоб не сбежал, ведь эта публика страх как не любит видеть посрамление своего метода» (Лем 1995, с. 254). Дельный совет – ведь ни теория вероятностей, ни теоретическая физика не предлагают адекватной трактовки времени. Существование истории уникальных событий, индетерминированным образом развёртывающихся в ходе течения времени, убеждённые физики игнорируют.

Зато на историю уникальных событий обратили внимание неокантианцы баденской школы, главные представители которой – Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) и Генрих Риккерт (1863–1936). Оба выдающихся немецких философа принадлежат как мыслители, по сути, XIX веку, хотя по времени жизни оба «зашли» (особенно Риккерт) в XX-ое столетие. «Опытные науки, – утверждает В. Виндельбанд, – ищут в познании действительного либо общего в форме естественного закона, либо отдельного в виде исторически определённого образа; они рассматривают в одном случае всегда остающуюся себе равной форму, а в другом – однократное, в себе определённое содержание действительно происходящего. Одни из них суть науки закона, другие – науки события; первые учат о том, что всегда есть, вторые – о том, что было однажды. Научное мышление – если только позволительно пустить в оборот новые искусственные термины – в одном случае номотетично, а в другом – идиографично» (Виндельбанд 1995, с. 666).

Г. Риккерт в своей объёмной книге (Риккерт 1997), вышедшей на рубеже XIX и XX столетий, детально развивает эту идею В. Виндельбанда, уделяя основное внимание особенностям идиографического *метода* научного познания. При этом остаётся не ясным, что понимается под уникальным событием и индивидуальной вещью, т. е. без внимания остаётся *онтологическая* сторона проблемы. Поскольку реальная действительность буквально кишит индивидуальными событиями и вещами, главным оказывается не онтологический вопрос, что это такое, а *эпистемологический* вопрос о том, каков *принцип отбора* индивидуальностей в исторических описаниях.

Риккерт рассматривает весьма наглядный пример, призванный проиллюстрировать суть дела. Вот перед нами два объекта: кусочек угля и алмаз. Оба они, несомненно, индивидуализированы, уникальны и в своих деталях неповторимы. Но первый объект не может заинтересовать историка, тогда как второй может послужить основанием для соответствующей истории. Получается, что проблема не в индивидуальности как таковой, т. е. не в онтологии, а в том, каков принцип отбора из безмерной совокупности индивидуальностей тех индивидуумов, которые представляют интерес для исторической науки, т. е. в эпистемологии. И Риккерт даёт однозначный ответ: историк обращает внимание лишь на те индивидуальности, которые представляют из себя некоторую непреходящую *ценность*. Тем самым найден принцип отбора: это *отнесение к ценности*. Риккерт пишет: «... Ясно, что то значение, которым обладает алмаз, основывается лишь на той *ценности* (Werth), к которой мы относим его ничем не заменимую единственность в своём роде» (Риккерт 1997, с. 286).

Мне уже приходилось анализировать идиографический метод в (Анисов 2003), поэтому не буду повторяться. Обратим внимание на другое важное обстоятельство: в

отличие от работ неокантианцев баденской школы, в анализируемой новелле Лема речь идёт не об эпистемологии исторического познания, а об *онтологии уникального*. Да, Лем здесь не применяет методы логического анализа. Вместо этого он виртуозно использует литературные приёмы, демонстрируя нередуцируемость онтологии уникального к онтологии теории вероятностей. Далее попытаемся явно вычленить некоторые из ключевых итогов лемовского рассмотрения онтологии уникального, вполне понимая, что работа такого типа разрушает художественное впечатление, создаваемое при чтении данной новеллы.

В центре лемовского повествования придуманное уникальное историческое событие – рождение мальчика, будущего профессора Коуски. Обозначим это событие через греческую букву τ . Чтобы событие τ произошло, должно было (1) сойтись воедино поистине *необозримое множество* Ω других уникальных событий, каждое из которых носило *случайный* характер, т. е. могло как быть, так и не быть. Задать какой-либо пересчёт этого множества не представляется возможным. И не только потому, что этих событий необозримо много, но и потому, что они носят (2) *разнородный* характер: здесь не только перипетии случайных встреч людей, но и перегоревшая пробка на лестнице в одном из домов, хрипота голоса одной из девиц из-за полипа голосовых связок, наступление Брусилова в ходе Первой мировой войны, кража полковой кассы, тугая педаль управления одной из моделей тогдашних самолётов и прочее, и прочее.

Если бы разнородность касалась бы только уникальных событий, близких по времени к τ , но и это не так. Уникальные события из Ω , приведшие к τ , (3) *далеко разнесены во времени*. «Миллиарды, триллионы событий должны были произойти так, как они действительно произошли», чтобы появились на свет родители Коуски. «И столь же бесчисленное множество событий обусловило рождение их отцов, дедов, прадедов и т.д.». Но тут надо учесть и тех предков Коуски, которые, «еще не ставши людьми, вели четверорукий древесный образ жизни в раннем палеолите». А их судьбы зависели от ещё более ранних событий, в том числе геологического масштаба, так что «не упали метеорит на Динарское нагорье два с половиной миллиона лет назад, профессор Коуска тоже не смог бы родиться» (Лем 1995, с. 264). Далее, события из Ω (4) имеют *разный пространственный масштаб*, простираясь от микроявлений («сочетание генов», «сульфатные газы») и макроявлений (которым уделяется основное внимание) до мегаявлений космического масштаба (появление Солнечной системы, рождение Земли).

Так каковы же границы множества уникальных событий Ω , обусловивших событие τ ? Несколько неожиданно звучит утверждение, что (5) «Такие объекты, как солнца, планеты, облака, камни, вовсе не уникальны, а всякий живой организм уникален» (Лем 1995, с. 264). Даже Риккерт, не интересовавшийся онтологией уникального, понимал, что уникальным может быть и камень (вспомним его пример с алмазом). Да и упоминание события падения метеорита (а метеорит и есть камень!) и его роли в порождении τ , вроде бы, не оставляет сомнений, что речь идёт об уникальном событии. Разве что некоторые объекты, в нём участвовавшие, могут быть не уникальными. Например, в атомах упавшего метеорита ничего уникального нет. Насколько известно современной науке, ни один атом любого химического элемента не обладает индивидуальностью, позволяющей, к примеру, дать ему собственное имя. Но сам метеорит в целом, безусловно, индивидуален, неповторим и обладает собственной уникальной историей. Поэтому пункт (5) в лемовской онтологии уникального представляется ошибочным.

Другой возможный вывод (6), что *весь Космос поучаствовал в подготовке* τ , по мнению Коуски (надо полагать, и Лема), ложен. Конечно, если посчитать, «будто весь Космос есть нечто вроде машины, устроенной именно так, а не иначе для того лишь, чтобы профессор Коуска мог родиться», то, согласимся, что «это очевидная чушь» (Лем 1995, с. 264). Тем не менее, оставляя за бортом версию телеологической причинности, приходится признать, что космические истоки земных уникальных событий неопределённо широки. Чтобы осуществлялась земная история людей, необходима была

высокоразвитая жизнь, соответствующая планета, вращающаяся вокруг подходящей звезды по благоприятной для жизни орбите, сама звезда должна была находиться подальше от чёрных дыр, сверхновых звёзд и прочих космических угроз и т. д. Наконец, сама Вселенная должна была быть такой, чтобы жизнь была возможной миллиарды лет подряд хотя бы в некоторых её местах. Так что пункт (б) заслуживает внимания как возможно истинный.

Тем не менее, несмотря на наличие множества событий Ω , прогнозирование на его основе наступления события τ принципиально невозможно, поскольку (7) *никакой информации о τ в Ω нет, как нет её где бы то ни было вообще даже за мгновение до того, как τ произошло*. Мы уже цитировали высказывание Коуски (Лема?) о том, что такой информации вообще нет на свете, т. е. нет онтологической основы для информации такого рода, несмотря на осуществление событий из Ω . Иными словами, о событии τ нет никакой информации потому, что *ещё* нет самого события τ . Вот *после* того, как τ появится, можно будет о нём порассуждать, в том числе приписывать те или иные вероятности с учётом того, что уникальность τ не отменяет его общности с событиями того же типа (вероятность успешности родов, вероятность рождения мальчика и т. п.).

Почему вообще появляются уникальные события типа τ ? «Потому, отвечает профессор Коуска, что сколь бы невероятным образом что-либо ни произошло – раз уж оно произошло, то произошло!» (Лем 1995, с. 265). Или, как было процитировано выше, «что случается, если на самом деле случается, – то и случается». Получили тезис (8). Что же означает «случилось»? У Лема в этой новелле ответа нет. Предлагаем свой. «**Случилось**» – значит *произошло индетерминированным образом в ходе течения времени*. Чтобы случилось τ , должны были прежде случиться события из Ω , а *затем ход времени индетерминированно порождает τ* , творя историю уникальных событий. Строго говоря, события из Ω не являются причиной τ , поскольку вполне могло случиться, что τ так бы и не произошло, несмотря на наличие Ω . В последнее мгновение могло случиться что-то другое вместо τ . Но время породило именно τ .

Как время конкретно это делает в отношении события τ , великолепно, в деталях, показано у Лема. Аналогичным образом, историки с той или иной мерой полноты описывают историю уникальных событий, но лишь после того, как они уже произошли, случились. Однако, поскольку живущие люди сами являются частью творящего историю времени, они тоже по мере своих сил и желаний творят историю, пусть не в пафосном значении этого слова, но в онтологическом смысле. Даже эта статья творится автором в историческом времени. Я ещё не могу сказать, что именно будет написано далее, и как неизбежно будут корректироваться уже написанные строки. В высшей степени далёкой от реальности представляется идея А.Н. Павленко, что данная статья уже прописана, и автор, подобно первокласснику, только обводит чернилами уже существующие прописи⁷.

Отрицание случая, отрицание существования индетерминированных уникальных событий закономерным путём ведёт к отрицанию времени или подмены его пространственными вневременными структурами. Классический пример – декартова система координат, где время представлено геометрической прямой, где нет выделенного момента настоящего и, тем самым, выделенных моментов прошлого и будущего. Любую точку можно взять за начало отсчёта, все таким образом представленные моменты времени равноправны. Геометризация времени весьма полезна при описании повторяющихся, массовых однотипных событий. И она же становится совершенно неадекватной при попытке применить её к описанию уникальных неповторимых событий.

Неотъемлемо присущие времени темпоральные модусы «сейчас», «было» и «будет» не вписываются в геометрические схемы. Поэтому их либо игнорируют, ссылаясь на

---

⁷ Впрочем, может быть, в чём-то Андрей Николаевич прав. Более тридцати лет назад меня поразил один автор книг и многочисленных статей по философии. Он заявил, что печатает свои труды на машинке (эра компьютеров ещё не пришла) сразу начисто, без черновиков. Наверное, у этого автора всё действительно было прописано.

физику, либо причисляют к субъективным моментам психики, либо объявляют противоречивыми и потому иллюзорными. К третьему варианту относится учение о времени Джона Эллиса МакТаггарта (1866 – 1925), изложенное в двух получивших широкую известность в западной философии работах (МакТаггарт 2019) и (McTaggart 1927). В первой работе изложены основные аргументы, а во второй они рассмотрены более подробно. Критический анализ учения об иллюзорности времени МакТаггарта был дан в книгах (Анисов 1991) и (Анисов 2022, кн. 2). Здесь мы ограничимся критикой исходного базового пункта рассуждений МакТаггарта, имеющей прямое отношение к проблеме онтологии уникальных событий. МакТаггарт пишет:

«Возьмите любое событие – например, смерть королевы Анны – и посмотрите, какое изменение имело место в его характеристиках. То, что это смерть, то, что это смерть Анны Стюарт, то, что у нее были такие-то причины, и то, что у нее были такие-то следствия, – каждая характеристика этого типа никогда не меняется... И в последний момент времени – если у времени есть последний момент – описываемое событие тоже будет смертью королевы Англии. И в каждом отношении, кроме одного, оно также будет неизменно. Но в одном отношении оно меняется. Оно начинает быть будущим событием. С каждым моментом оно становится событием во все более близком будущем. И наконец, оно было настоящим. Затем оно становится прошедшим, и всегда таким останется, несмотря на то, что с каждым моментом оно становится все более отдаленным» (МакТаггарт 2019, с. 215).

Теперь в нашем распоряжении есть два уникальных события: выдуманное Лемом событие рождения профессора Коуски и реальное событие смерти королевы Анны Стюарт, случившееся в 1714 г. Коль скоро первому событию было дано обозначение τ , обозначим и второе событие, используя символ σ . Обратим внимание: у МакТаггарта событие σ *всегда*, т. е. во всякий момент времени, присутствует в универсуме. Некоторое сомнение может породить фраза «начинает быть будущим событием». Но если истолковать этот оборот в том смысле, что когда-то события σ вообще не было, а затем оно появилось и начало быть будущим, то это как раз моя точка зрения, а отнюдь не МакТаггарта. У него все события мира, включая уникальные, уже наличествуют в реальности. И вопрос только в том, что делает их прошлыми, настоящими и будущими.

МакТаггарт справедливо утверждает, что темпоральные модусы взаимно исключают друг друга. И довольно убедительно показывает, что каждое событие, *если оно всегда существует в универсуме в неизменном виде*, имеет их все сразу, так что получается противоречие: «Если [событие] M есть прошлое, то оно было настоящим и будущим. Если оно будущее, то оно будет настоящим и прошлым. Если оно настоящее, то оно было будущим и будет прошлым. Таким образом, все три несовместимых термина можно приписать каждому событию, что, очевидно, противоречит их несовместимости и тому, что изменение зависит от них» (МакТаггарт 2019, с. 222). Тогда темпоральные модусы не имеют бытия, не существуют. Но без этих модусов время перестаёт быть временем, превращаясь в иллюзию, в несуществующий в реальности фантом. Ключевой пункт здесь – исходное утверждение, что *любое событие всегда существует в универсуме в неизменном виде*. В приводимом МакТаггартом примере с событием σ каждая его характеристика «никогда не меняется», за исключением противоречивых, по мнению МакТаггарта, и потому не существующих реально темпоральных характеристик «быть прошлым», «быть настоящим» и «быть будущим».

Опровержение доводов МакТаггарта осуществим на основе его же примера. Будущая королева Анна родилась в феврале 1665 г. Это событие уникальное, и потому ещё в феврале 1664 г. его точно так же заведомо онтологически не существовало, как и события рождения Коуски за год до его выдуманного рождения в вымышленной Вселенной. И вся аргументация, использованная Лемом в случае с Коуской, остаётся в силе применительно к событию рождения будущей королевы: информация об этом событии онтологически отсутствует, и поэтому невозможно его спрогнозировать в принципе. И уж совсем бессмысленно говорить о событии σ смерти королевы, которая ещё не родилась. Тем самым та часть исходного утверждения МакТаггарта, в которой он настаивает на том, что любое событие *всегда* существует в универсуме, оказывается

ложной. Будущие уникальные события не существуют, поскольку самого будущего онтологически ещё нет. Так, события σ в универсуме, ограниченном февралём 1664 г., не только не было, но и быть не могло, т. к. σ относится к ещё не осуществлённому будущему после февраля 1664 г. То обстоятельство, что в августе 1714 г. это будущее осуществилось и событие σ вошло в изменившийся в ходе течения времени универсум, никак не влияет на факт отсутствия σ в универсуме февраля 1664 г.

Если тезис о пополнении множества уникальных событий универсума в ходе течения времени интуитивно понятен, то тезис о том, что уникальные события могут исчезать из универсума по мере их ухода в прошлое, может вызвать возражение: ведь прошлое неизменно, и то, что уже случилось, случилось отныне и навсегда. Так ли это? Представим себе отдалённое будущее нашей Вселенной. Поскольку она эволюционирует, её ожидает либо расширение, сопровождаемое распадом материи на элементарные частицы, либо сжатие, в котором даже атомы исчезнут. МакТаггарт прямо утверждает, что и в последние времена событие σ будет существовать со всеми его характеристиками. Но в каком тогда смысле можно утверждать, что событие σ будет по-прежнему существовать в универсуме далёкого будущего? Где и как оно может существовать на поздних стадиях развития Вселенной, каким образом в ней может сохраниться информация об этом событии? Единственный адекватный ответ – никаким!

Тем самым обсуждаемая часть исходного тезиса МакТаггарта оказывается, если так можно выразиться, *дважды ложной*: она ложна как в отношении будущего, так и в отношении прошлого. Время не только индетерминированно пополняет универсум новыми уникальными событиями, но и индетерминированным образом уничтожает уже свершившиеся уникальные события по мере их ухода в прошлое. И нет ничего невозможного в том, что через миллионы или миллиарды лет полностью исчезнет из универсума событие σ , событие смерти последней королевы из династии Стюартов.

Исходное утверждение МакТаггарта является ложным и в той его части, в которой говорится о *неизменности во времени характеристик событий*. Это сложная тема, поэтому ограничимся коротким замечанием. МакТаггарт настаивает, что причины и следствия события σ «никогда не меняются». Это ложное утверждение. В действительности *следы событий стираются во времени* вплоть до их возможного полного исчезновения. Желательность расследования преступления по горячим следам – отнюдь не метафора. И хотя в событии σ , согласно историческим фактам, нет ничего криминального, оно подчиняется общему закону стирания следов. Наверняка свидетели события σ могли бы сообщить о нём такие подробности, которые невозможно уже восстановить из нашего времени. Эти подробности уже онтологически не существуют, безвозвратно растворившись в ходе течения времени.

Таким образом, в целом исходное утверждение МакТаггарта является *трижды ложным*. Догматически постулируя *неизменность универсума* в качестве исходного пункта дальнейших рассуждений, МакТаггарт предрешает отрицательный ответ на вопрос о реальности времени. Но в индетерминированном изменении универсума заключается сама суть времени. Если ход времени остановится (а это логически возможно – см. (Анисов 1991) и (Анисов 2022, кн. 2)), лишь тогда изменения универсума прекратятся. Отсюда вывод: построения МакТаггарта находятся в русле парменидовской традиции.

Появление теории вероятностей и успешное её применение в естествознании и социологии не поколебало основы парменидовской науки. Вероятностная точка зрения оказалась ограниченной и неспособной на адекватные ответы в отношении проблемы уникальных событий, что было блестяще продемонстрировано Лемом в обсуждаемой новелле. Однако вклад Лема в постановку проблемы уникальных событий не исчерпывается критическими выпадами в адрес парменидовской науки. Лем является одним из двух известных мне философов⁸, которые обратились к анализу *онтологии*

---

⁸ Вторым являюсь я сам. Вместо того, чтобы улыбаться, назовите других. Буду очень благодарен.

уникального. Лемовский анализ осуществляется художественными средствами, а не теоретическими методами, основанными «на антиподиальных аксиомах базовой теории распределения фактуально небыточных ансамблей в пространственно-временном континууме высшего порядка» (Лем 1995 с. 253). Этой теории в действительности не существует. В реальности предлагаемый автором теоретический подход к онтологии уникального базируется на двух теориях: аксиоматической первопорядковой теории множеств Цермело-Френкеля с атомами (ZFA) и генетически заданной теории индетерминированной вычислимости (АВТ). Логика при этом остаётся классической в синтаксической её части, тогда как в семантической части вводятся три истинностных значения, так что семантика оказывается неклассической (Анисов 2022, кн. 2).

Попытаюсь предельно кратко изложить суть предлагаемого подхода. Уникальные объекты моделируются теоретико-множественными *атомами* или *праэлементами*. Атом, как и пустое множество, не содержит элементов, однако он не равен пустому множеству. Атомов может быть сколько угодно. Множество атомов A не задаётся заранее, как это обычно делается, а индетерминированным образом порождается АВТ-компьютером. Каждый акт порождения нового атома является формальным аналогом творения из ничего. В смысловом отношении каждый акт такого рода моделирует появление новых уникальных событий в ходе течения времени. Обсуждавшиеся выше уникальные события τ и σ в нашей теории будут являться атомами, причём в случае с реальным событием σ в роли АВТ-компьютера будет выступать сама Природа. В ходе дальнейших индетерминированных вычислений некоторые атомы могут бесследно исчезать. Сменяющие друг друга индетерминированные акты творения и уничтожения уникальных событий образуют *историю* соответствующего универсума (модельного или реального).

Важным следствием предлагаемого подхода является иное понимание *возможного*. Стандартно множество всех возможностей задаётся заранее (как множество элементарных событий в теории вероятностей или множество возможных миров в модальной логике). В нашей теории никакого предзаданного множества всех возможных уникальных событий A не существует. Существуют лишь те элементы A , которые *уже* случились и *ещё* не исчезли. Но ведь и у Лема тоже множества уникальных событий будущего не существует! Правда, у Лема полностью выпадает проблема исчезновения некоторых уникальных событий прошлого. По-видимому, дело в том, что Лема интересует вопрос о научном прогнозировании будущего, а не вопрос о трудностях познания прошлого. И он даёт чёткий ответ на первый вопрос: прогнозирование будущего невозможно.

Теперь мы можем вернуться к модальному принципу, с которого начали: как в условиях иного понимания возможного интерпретировать формулу $p \rightarrow \diamond p$? Учитывая, что кроме уникальных событий наш универсум наполнен и повторяющимися событиями, в отношении которых вероятностное прогнозирование возможно, не следует ли сузить область модальной интерпретации на множество повторяющихся событий? Полагаю, что допустимо расширить эту область, включив в неё те уникальные события, которые *уже случились*. Коль скоро уникальные события τ и σ *уже* случились, они *стали* возможными. Но *до* этого они не были возможны ни в каком виде. Ошибочно предполагать, что раз эти события случились, то они где-то и как-то существовали до своего осуществления. Ведь если бы они существовали до реализации, то в силу аргументов МакТаггарта нам пришлось бы элиминировать из универсума время как противоречивый феномен. Лем неправомерно суживает область уникального до сферы жизни, однако в главном он прав: нельзя наделять уникальные события будущего статусом существования до того, как они случились. В этом смысле будущие уникальные события онтологически невозможны. Поэтому их невозможно прогнозировать, описывать, давать им имена.

Библиографический список

- Анисов А.М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М.: Наука, 1991. 152 с. (Второе (стереотипное) издание: Анисов А.М. Время и компьютер: Негеометрический образ времени. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2021. 152 с.).
- Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М.: ИФРАН, 2000. 208 с.
- Анисов А.М. Идиографический метод с логической точки зрения // «Credo new». 2003. № 2. С. 6–19.
- Анисов А.М. Как возможно возможное? // Логико-философские исследования. Вып. 5 / Российское философское общество. М.: Издатель Воробьев А.В., 2012. С. 101–119.
- Анисов А.М. Проблема становления в физике и в истории // Феномен времени сквозь призму современной науки: Возможность нового понимания. Проблема времени в физике XXI века. М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 69 – 114.
- Анисов А.М. Современная логика и онтология. Кн. 1: Традиционная логика. Пропозициональная логика. Логика предикатов. М.: ЛЕНАНД, 2022. 352 с.
- Анисов А.М. Современная логика и онтология. Кн. 2: Аксиоматические теории. Теория множеств. Модели времени. М.: ЛЕНАНД, 2022. 216 с.
- Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. 687 с.
- Лем Ст. Абсолютная пустота // Лем Ст. Собр. Соч. в 13 т. Т. 10. М., «ТЕКСТ», 1995. С. 140– 324.
- МакТаггарт Д.Э. Нереальность времени // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 211–228.
- Марков А. Рождение сложности. М.: Астрель, 2010. 527 с.
- Павленко А.Н. Новые Чёрты и Рёзы. Спб.: Алетейя, 2020. 364 с.
- Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. Спб.: «Наука», 1997. 532 с.
- Севальников А.Ю. Современное физическое познание: в поисках новой онтологии. М.: ИФРАН, 2003. 144 с.
- Язневич В.И. Станислав Лем. – Мн., Книжный Дом, 2014. – 448 с.
- McTaggart J.E. The Nature of Existence. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1927. XLII, 480 p.

Д.С. Быльева

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: bylieva_ds@spbstu.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7956-4647>

Этика искусственного интеллекта через концепции любви и свободы⁹

Аннотация: Традиционная для христианской культуры тема любви и свободы находит свое отражение в отношениях человека и робота. Христианская этика противопоставляет соблюдению формальных правил любовь. Таким образом, для робота нужно либо найти универсальные этические правила (затруднительность чего показана как в научной, так и в художественной литературе), либо позволить ему обрести свободу и любовь. Популярная в культуре тема бунта роботов против предписывающего их действия кода

⁹ Статья впервые опубликована в журнале «Семиотические исследования»: Быльева Д.С. Этика искусственного интеллекта через концепции любви и свободы // Семиотические исследования. 2022. Т.2. №4. С. 8-14.